

АРКАДИЯ • ПЕРЕКРЕСТКИ

АРКАДИЯ

МИК КИТСОН

МЕНЯ
ЗОВУТ СОЛ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
К45

Mick Kitson
SAL

Перевела с английского

Ирина Нечаева

Дизайнер обложки

Александр Андрейчук

Художник

Светлана Ихсанова

Печатается с разрешения издательства *Canongate Books Ltd*
(14 High Street, Edinburgh EH1 1TE, United Kingdom)
и литературного агентства *The Van Lear Agency LLC*

Китсон М.

К45 Меня зовут Сол : [роман] / М. Китсон; [пер. с англ. И. Нечаевой]. — СПб. : Аркадия, 2018. — 224 с. — (Серия «Перекрестки»).

ISBN 978-5-906986-71-9

У героини романа красивое имя — Солмарина (сокращенно — Сол), что означает «морская соль». Ей всего лишь тринадцать лет, но она единственная заботится о младшей сестренке, потому что их мать-алкоголичка не в состоянии этого делать.

Сол убила своего отчима. Сознательно и жестоко. А потом они с сестрой сбежали, чтобы начать новую жизнь... в лесу.

Роман шотландского писателя посвящен актуальной теме — семейному насилию над детьми. Иногда, когда жизнь ребенка становится похожей на кромешный ад, его сердце может превратиться в кусок льда.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Mick Kitson, 2018

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-71-9

*Моим родителям,
Бабс и Терри Китсон*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Силки

— Холодно, — сказала Пеппа и затихла.

Потом снова заговорила:

— Холодно, Сол. Я замерзла.

Тихо сказала, почти шепотом. Совсем не как обычно. Я заволновалась, нет ли у нее гипотермии. Мне доводилось смотреть ролик, как это бывает. От холода люди делаются тихими и медлительными. Я пощупала Пеппу — спина теплая, живот теплый.

— Чего ты меня лапаешь, лесбиянка, отстань! — пробурчала она. Тогда я поняла, что никакой гипотермии у нее нет.

Но было действительно холодно. Самая холодная ночь с тех пор, как мы здесь поселились. У меня имелся компас, и я знала, что ветер теперь дует с севера, а наш навес был обращен на юго-восток, потому что обычно ветер здесь дул с запада. Но сейчас ветер свистел прямо над нами. Мы лежали на еловых лапах, а у Пеппы даже шапки не было. Я собиралась сшить ей шапку, когда мы поймаем кроликов. Но я еще даже силки не успела расставить. Я стащила шапку с себя и натянула ей на голову.

— Так лучше? — прошептала я в маленькое ухо. Но Пеппа уже уснула. А вот я проснулась окончательно и начала волноваться. Я привыкла засекать,

сколько времени волнуясь, по часам в телефоне. По утрам я обычно волновалась около десяти минут, но в последнее время дольше, потому что перед побегом нужно было много чего сделать и спланировать. Я постаралась угадать время. Насколько я могла судить, близился рассвет, хотя было еще темно. Я почти всегда могу сказать, который час. Не знаю, как работает мое чувство времени, но дома оно мне очень помогало. Например, Мо и Роберт обычно приходили сразу после одиннадцати, и когда я поставила замок на дверь Пеппы, то стала его запирать и проверять, спит ли она, прямо перед их возвращением.

Они и не знали, что вставлен замок. Я стащила маленькую дрель и две стамески в строительном магазине, а противокражные датчики срезала кусачками для ногтей. Купила врезной замок в супермаркете и просмотрела пять роликов на «Ютубе» о том, как его поставить. Они даже не заметили маленьких дырочек, которые я просверлила, — все равно краска на дверях в нашей квартире давно ободралась. Ключ я отдала Пеппе, и теперь она могла запереться изнутри. Роберт не попал бы к ней, даже если захотел. Но он и не пытался. А вот запри я свою дверь, Роберт вышиб бы ее и разбудил этим Пеппу. Мо он бы не разбудил — она, когда бухая, вырубается нафиг.

Он не пробовал заходить в комнату Пеппы, но я знала, что это скоро случится, во-первых, потому, что он сам так сказал, и во-вторых, потому, что Пеппе исполнилось десять, — со мной он начал именно в этом возрасте.

Так что я беспокоилась, наверное, минут десять. Я знала, что скоро начнет светать. В книге «SAS. Руководство по выживанию» я прочитала, что нужно разжечь костер во всю длину навеса, а за ним построить экран из веток, чтобы он отражал тепло. Я не сделала этого сразу, потому что не знала, останемся мы тут или нет.

Но здесь место вроде подходящее. Небольшая ровная площадка над ручьем и высокие березы вокруг. Чтобы сделать навес, мы привязали брезент к двум березам. Брезент был камуфляжный — коричневые, бежевые и бело-желтые пятна. Больше подходил для пустыни, конечно, но и здесь работал неплохо. Я поднялась на горку, посмотрела сверху — ничего не было видно.

Ну, если только не знать, что там кто-то есть, а Пеппа как раз заорала:

— Сол! Иди сюда, посмотри! — Она поймала жабу и гладила ее, так что я сказала:

— У нее из спины выделяется яд, чтобы ее не съели хищники.

На это Пеппа ответила:

— А я и не собираюсь ее есть. А ты? Я не хочу ее есть, я ей лучше домик построю.

И она сложила маленький домик из плоских камней и гальки и посадила туда жабу. Да еще назвала ее Коннором, в честь мальчика, который ей нравился в школе.

Я снова стала беспокоиться — теперь из-за огня, который могли увидеть люди. Особенно ночью. Если дрова сухие, дыма от маленького костра-пирамиды немного, дым идет, только если дрова сырые или свеженарубленные. К тому же ветер сдувает любой дым. Мы торчали в «Последней великой пустоши»¹ Великобритании, ровно в восьми милях от ближайшего жилья, примерно в четырех милях от тропинки и в пяти милях от дороги. Я очень тщательно выбирала это место по карте Картографического управления Великобритании. Я ее стащила из библиотеки, там есть все карты Британских островов. Мы ровно на полмили углубились в лес за горным хребтом, который возвышается почти на три тысячи

¹ Вероятно, отсылка к фильму *The Last Great Wilderness*, не вышедшему в российский прокат. — *Прим. перев.*

футов. Еще немного, и это была бы гора Мунро², где бродят всякие альпинисты и дровичлы в ветровках.

На вершине горы ничего не росло, но, судя по карте, там находился круг из камней, вроде Стоунхенджа. Вообще эта вершина называлась как-то по-гэльски, и миссис Керр сказала, что это название произносится как «Магна Бра». Магна Бра. Я рассказала Пеппе, и ей захотелось забраться на эту вершину, особенно когда я объяснила, что «Магна» — это «большой» на латыни. Пеппа пришла в восторг и принялась повторять на все лады: «Большое бра... огромный лифак!»³ Эта мелкая дрянь обожает всякие пошлости.

А вот по ночам горящий огонь виден издалека, даже из-за навеса. Поэтому я решила построить экран из веток, про который вычитала в справочнике, так чтобы он заслонил наш костер с востока. Дорога проходила как раз к востоку отсюда, и те, кто нас искал, могли заметить огонь, если бы поехали по дороге. Правда, я не представляла, каким образом они вообще узнали бы, что искать нас надо здесь.

Набеспокоившись, я решила, что именно сегодня сооружу защитный экран и расставлю силки. Еды у нас оставалось дня на два, наверное. Или на три, если я не буду есть и все отдам Пеппе. Так что пора было начинать охотиться. Я прихватила пневматическую винтовку Роберта, короткую такую, которую надо накачивать воздухом. Она стреляла пульками двадцать второго калибра, которых у меня было две полные банки. Я решила не давать винтовку Пеппе, чтобы она случайно не пристрелила меня или себя, но сама я хорошо стреляла. Я тренировалась в коридоре и научилась так адаптировать зрение, чтобы целиться на большие расстояния.

² Мунро — разновидность шотландских гор высотой более 3000 футов (914 метров). Эти вершины названы в честь сэра Хью Мунро (1856–1919), который составил первый список таких гор в 1891 году. — *Прим. перев.*

³ Бра (англ.) — лифчик, бюстгальтер. — *Прим. ред.*

Еще я посмотрела видео на «Ютубе» за три дня до того, как мы сбежали. Если подкачать воздух в винтовке семь раз, можно прострелить девятимиллиметровую фанерку. Я держала винтовку в чехле для ключек, найденном в школьной раздевалке.

Светало. В октябре в этих краях солнце всходит около семи двадцати утра. Пеппа дрыхла в спальном мешке, и я осторожно, чтобы ее не потревожить, выбралась наружу. Ночью листья с деревьев осыпались и теперь сияли яркой желтизной, когда солнце дотягивалось до них сквозь кроны. Стволы берез тоже светились. Кора у берез белая, значит, их ветки отлично подойдут для постройки экрана, потому что белый цвет отражает свет и тепло. Я раздула угли и сунула в них несколько тонких веточек с обгоревшими концами — вечером я оставила их просушиться на плоском камне. Когда они занялись, я сделала над ними пирамиду из прутьев потолще. Мой костер шипел и дымился. Я водрузила над ним стальную раму, а на нее поставила маленький чайник. У нас был чай в пакетиках, пастеризованное молоко и сахар из «Макдоналдса». Куча сахара.

Солнце уже встало и ярко светило, пар белыми клочками поднимался от земли. На краях листьев и ветках белела изморозь, а ветер почти утих, так что дым шел прямо вверх. Было совсем тихо, только трещали ветки в костре. Потом я услышала щебетание птиц и воронье карканье. И все. Ни гула машин, ни гудков, ни сирен. Никаких разговоров. Никаких криков.

У меня было четыре силка из витой проволоки с маленькими золочеными колечками, соединяющими проволоку в петлю, и с зелеными шнурами, прикрепленными к деревянной палочке с выемкой. Такие ловушки ставят на ночь на кроличьих тропах. Я видела, как это делается, на «Ютубе» и на сайте с инструкциями по выживанию. Выглядело очень просто. Главное, кролик уже

умирает к тому моменту, как охотник приходит проверять силки. Хотя, думаю, что смогла бы убить кролика. Правда, до сих пор я никогда не убивала кроликов. И вообще никого не убивала, кроме Роберта.

Силки надо закапывать на несколько часов, чтобы отбить человеческий запах, так что я разгребла листья, вытащила силки из Пеппиного рюкзака, положила на землю и прикрыла ворохом листьев. Я купила их в магазине для рыболовов на деньги, которые сняла с одной из карточек Роберта. Когда Роберт приходил... откуда он там приходил, у него всегда было несколько карточек. Я их воровала, пока он спал пьяный.

Самое интересное, что Мо и Роберт никогда ничего не замечали. Если в квартире что-то менялось, они не обращали на это внимания. Вот я всегда знала, где лежит каждая вещица в моей комнате и во всей квартире. Я была в курсе, сколько у нас чашек и ложек. Сколько молока и средства для мытья посуды. Я всегда такое запоминаю. С самого детства. Я всегда примечала, где находятся вещи, куда их перемещают, и если они пропадали, я тоже знала об этом. А Мо и Роберт ничего не видели.

Мо хуже всех. Взять хотя бы ее банки с пивом — она никогда не знала, сколько еще осталось. В отличие от меня. Я прятала их, а она даже не замечала, что в холодильнике всего две банки вместо трех. Иногда двух ей хватало. Я это много лет назад заметила, так что оставляла ей две, припрятав лишнее. Когда она приходила за очередной порцией бухла, я говорила, что осталось всего два пива. Она тогда такая: «Я думала, было четыре!» — а я такая: «Да ты сама выпила, забыла, что ли?» Ну и хрен с ним, говорила она. И когда Пеппа стала воровать у нее сигареты, она тоже не замечала.

И Роберт ничего не замечал. Он постоянно был то пьяный, то обкуренный, то пьяный и обкуренный сразу, и, даже если долго пялился на вещи, не видел,

что что-то пропало, было передвинуто или появилось новое.

Глаза у Роберта всегда красные от травы и выпивки и вечно полужакрытые, как будто он щурится. Крошечные участки белков, которые можно было разглядеть у него между век, давно пожелтели.

Брезент, охотничий нож, раму-подставку для костра и даже кроссовки для Пеппы доставили почтой. Я купила их на «Амазоне» и оплатила с карточек, которые Роберт приносил домой и складывал в тумбочку. Я всегда очень осторожно таскала карточки или доставала его бумажник. Однажды он пьяный лежал на диване, и я попыталась вынуть бумажник из его заднего кармана, а он наполовину проснулся, схватил меня и заорал: «Я отрежу тебе руки нахрен!» — а потом снова отрубился, и тогда я достала деньги.

Единственным, за чем он пристально следил, оставалась я.

— Все норм, детка? — любил спрашивать он. Однажды он сказал мужику в магазине, что я его дочь. Я хотела возразить, что нет, нахрен, не дочь, но Роберт был огромный, обнимал меня за плечи и говорил: «Моя малышка Сол». Если бы я сказала что-нибудь, потом стало бы только хуже, так что я заткнулась и просто мрачно посмотрела на того мужика.

Пеппа проснулась.

— Сол, а Коннор все еще здесь?

Я пошла и сняла камень с жабьего дома. Коннор по-прежнему сидел там. А чего бы ему не сидеть в мокрой грязи и листьях.

— Круто, — сказала Пеппа, вылезла из спального мешка и надела кроссовки. Они стояли восемьдесят четыре фунта на «Амазоне», наверное, из-за подошвы «вибрам», которая лучше всего подходит для длинных переходов и лазанья по горам.

Мне кажется, что Пеппа бегает быстрее всех в мире. У нее очень длинные ноги, и она носится как ветер. Она быстрее любого мальчика в школе, даже тех парней, которые старше. Вообще она все делает быстро. Либо сидит неподвижно, либо очень быстро шевелится. Она быстро ест и быстро разговаривает.

А еще она ест все подряд и всегда голодная.

Когда мы были маленькие, мы часто голодали, потому что Мо где-то шлялась или напивалась, или у нас не было денег, и Пеппа приучилась ходить по соседям и просить еду. Она привыкла есть все, а не как другие дети, которые терпеть не могут салат и требуют только жареной картошки.

Пеппа выпрашивала чипсы в магазине и просила еду у детей в школе. И даже у учителей. В конце концов я велела ей прекратить, и тогда мне пришлось самой добывать ей пищу, потому что если бы кто-нибудь об этом рассказал, нас забрала бы опека. Опека постоянно отнимает детей и обязательно разделяет братьев и сестер. Так что я никому ничего не сказала. Мо предупредила, что нас могут забрать и разделить. Я часто крада для Пеппы еду, приносила ей салат, морковку, а один раз даже вареную свеклу в пакете, которая ей очень понравилась. Пеппа перестала выпрашивать еду, и опека про нас не узнала.

А когда Роберт занялся мной, он тоже предупредил меня, что если я кому-нибудь расскажу, даже Мо, нас заберут и разделят. Он сказал, что Пеппу отдадут на воспитание и ее усыновят африканцы, потому что она наполовину африканка, а меня отдадут каким-нибудь старикам, и мы больше никогда не увидимся. Но теперь нам это не грозит.

Способность есть что угодно для выживания полезна, а вот постоянный голод — нет. Пеппа пожаловалась: — Сол, я умираю от голода.

Я дала ей немного кекса с сухофруктами и четыре печеньки «Белвита».

— Мы будем ловить кроликов, — сообщила я.

— Чтобы съесть?

— Ага.

— Круто.

Она полюбовалась на Коннора в домике, вытащила его оттуда, посадила на ладонь и немного поговорила с ним. Рассказала, как зовут ее и меня, откуда мы взяли и почему живем в лесу. Потом сунула его обратно в домик и надела свою непромокаемую куртку «Хелли Хансен».

Кролики не впадают в спячку. В Галлоуэйских лесах их очень много, живут они у подножия холмов и на склонах, потому что там растут низкие кустарники и трава. Эти зверьки питаются травой, а вовсе не морковкой и листьями салата, как кролик Питер из фильма. На большинстве сайтов написано, что осенью кролики очень активны и что нужно искать кроличьи тропы в траве и ставить силки там. Я никогда не ставила силки, не потрошила кроликов и не свеживала их, но я тыщу раз видела на «Ютубе», как это делается.

Я выкопала силки из листьев и сунула в карман куртки. На поясе у меня висел нож в ножнах.

Мы выбрались из своего убежища и пошли вдоль ручья. Залезли вверх по камням на склон холма, где деревья росли гуще, а еще было полно травы и папоротников. Пеппа побежала вперед.

Папоротники уже пожелтели, но все еще оставались очень высокими, так что Пеппа совсем скрылась из виду, и я только временами видела в просветах ее рыжие волосы. Я смотрела на землю и пыталась найти кроличьи тропы. Там было довольно много звериных троп, я увидела отпечатки оленьих копыт в грязи и разные другие следы, которые нужно было проверить по «Руководству